УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-139-147

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-НАУЧНОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ В 1920-Е ГГ.

Устинов О. А.

Культурно-просветительский центр «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня 141308, Московской область, г. Сергиев Посад, ул. Парковая, д. 16, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования настоящей работы является процесс становления философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1920-е годы. Обосновывая представление о человеке как естественном существе, советские философы опирались на экономико-детерминистскую интерпретацию марксизма, данную теоретиками II Интернационала, и вульгарный материализм XIX в. Концепция человека К. Маркса присутствовала в их работах в утрированном виде. В статье реконструируются и исследуются базовые положения парадигмы: проект «нового человека», соотношения социального и биологического, свободы и необходимости, личности и общества, проблема смысла и назначения жизни. Делается вывод, что развитие советской философско-антропологической мысли носило в этот период характер «болезни роста».

Ключевые слова: материализм, антропологическая парадигма, человек, биологическое и социальное, свобода и необходимость, практика, смысл жизни, личность и общество, философская антропология, марксизм

THE FORMATION OF THE PHILOSOPHICAL-SCIENTIFIC ANTHROPOLOGICAL PARADIGM IN THE SOVIET PHILOSOPHY IN 1920S

O. Ustinov

Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men 16, Parkovaya st., Sergiev Posad, 141308, Moscow Region, Russian Federation.

Abstract. The subject of this work is the formation of a philosophical and scientific anthropological paradigm in Soviet philosophy in the 1920s. Justifying the idea of man as a natural being Soviet philosophers relied on the economic-deterministic interpretation of Marxism, given by theorists of the Second International, and vulgar materialism of the 19th century. The Marxist concept of man was present in their works in an exaggerated form. The article reconstructs and explores the basic principles of the paradigm: the project of the «new man», the correlation of social and biological, freedom and necessity, personality and society, the problem of meaning and purpose of life. It is concluded that the development of Soviet philosophical and anthropological thought during this period was of «growth disease» nature.

Keywords: materialism, anthropological paradigm, man, biological and social, freedom and necessity, practice, meaning of life, personality and society, philosophical anthropology, Marxism

Радикальные перемены 1917 г. затронули и отечественную философию, которая была подвергнута трансформации с целью установления примата материализма. Однако борьба за монополию марксизма не была обеспечена интеллектуальными кадрами и привела к резкому снижению качества исследований. Привлечённые к дискуссиям члены коммунистической партии выступили с различными интерпретациями наследия К. Маркса, часто лишь умножавшими его редукции. Большинство теоретиков опиралось на антропологические решения их предшественников из II Интернационала, исповедующих экономический детерминизм. Частично эти недостатки компенсировались относительной свободой научного высказывания, благодаря которой участники теоретических споров постепенно находили решения более адекватные классическому марксизму. Данный период имел определённое значение для постепенной институционализации философско-научной антропологической парадигмы [6], но не мог обогатить её какими-либо инновационными концептами.

Тон философских дискуссий в 1920-е гг. задавали партийные идеологи Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский и др., затрагивающие отдельные философско-антропологические вопросы. В. И. Ленин был сосредоточен на политической деятельности и лишь в особых случаях вмешивался в философский процесс.

Рассмотрим основные положения и особенности развития философско-

научной антропологической парадигмы.

Первое положение. Разделяя традиционный для материалистов взгляд на человека как единственного разумного субъекта бытия, советские философы сосредоточились на разработке проекта «нового человека», который должен был быть образован как социально-антропологический тип «переходного периода» [3; 7]. В дальнейшем «строителей коммунизма» должны были сменить «люди коммунистической эры». Но если последние понимались с отсылкой к идее К. Маркса о «целостном человеке» достаточно абстрактно («гармоничная личность»), то человек переходного периода был описан подробно. Он должен был представлять собой «общественного работника»¹, сделанного по образцу пролетария и обладающего качествами, необходимыми для организованного труда. Концепту целостного развития человека давалась утилитарная интерпретация: гармоничное развитие означало равное умственное и физическое развитие мужчин и женщин, которого следовало достичь, дабы и женщины были способны выполнять работу наравне с мужчинами². Идеалом социального развития было для большевиков «государство-коммуна», а после «мировой революции» – глобальное

¹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М.: Госиздат, 1920. С. 141, 147.

² Лядов М. Н. Вопросы быта // Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 325.

предприятие, действующее на пользу человечеству по единому плану, без эксплуататоров и эксплуатируемых.

В дискуссии о методах создания «нового человека» в условиях гражданской войны значительная часть теоретиков высказывалась в пользу экстремистской антропотехники, основанной на «концентрированном насилии». Подобная модель «милитаризованного социализма» была заявлена Л. Д. Троцким и Н. И. Бухариным. При этом помимо «эксплуататоров» жёсткому контролю должен был подвергнуться и сам пролетариат, в составе которого выделялись группы от «рабочей аристократии» до «чистых батраков»¹.

Однако в связи с введением в 1921 г. «новой экономической политики» партийные идеологи вынуждены были сделать ставку на «культурничество» – формирование «нового человека» посредством всесторонней культурно-просветительской работы. Предполагалось, что общество, пройдя через полосу террора, уже достигло такого состояния, при котором эффективным становится социальное партнёрство с характерным для него «мирным вращением» «антагонистических элементов» в социализм. Наиболее полно данная идея была артикулирована Бухариным, многое переосмыслившим в своих теоретических построениях и отвергнувшим идею коммунизма как «царства пролетариата».

«Строитель социализма» по-прежнему должен был стать «квалифи-

цированным кадром»². Но главными врагами «нового общества» провозглашались уже не «люди из прошлого», а их социальные пороки, устранение которых достигается в результате идеологической «обработки». Осознание актуальности более гибкой антропотехники, преследующей целью «вылечить», а не покарать, было движением вперёд в понимании человека как сложно организованного существа, имеющего внутренний мир.

Исключением из общего конструктивистско-прагматического взгляда на «нового человека» была позиция А. В. Луначарского, который обращал внимание коллег на то, что «общественный работник» должен иметь наряду с хозяйственными умениями гуманитарное мышление («...вымуштрованный человек-машина ... не наш идеал»³). Луначарский пытался препятствовать размыванию Марксовой идеи о «целостном человеке» как якобы бессодержательного поэтического образа, но его точка зрения не была популярна.

Второе положение. Рассматривая проблему человеческой сущности, советские марксисты отстаивали её естественную природу, но не имея чёткого представления о взаимосвязи социального и биологического по К. Марксу, допускали вульгарно-материалистические редукции. Критикуя идеалистическое понимание человека как сотворённого Богом существа, они

¹ Бухарин Н. И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М.: Госиздат, 1920. С. 143.

² Бухарин Н. И. Пролетарская революция и культура // Бухарин Н. И. Революция и культура: Статьи и выступления 1923–1936 гг. М.: Фонд имени Н. И. Бухарина, 1993. С. 51.

³ Луначарский А. В. Воспитание нового человека // Луначарский А. В. О воспитании и образовании. М.: Педагогика, 1976. С. 273.

доказывали, что психика, ошибочно принимаемая за эфемерную «душу», есть лишь свойство высокоорганизованной материи. Фактически они изображали социальное развитие как инабытие биологии и низводили человека на уровень первого среди животных. Для философской мысли 1920-х гг. было характерно понимание социальной природы просто как неких коллективных действий, которые обнаруживались и у людей, и у животных, и у насекомых [1, с. 66].

Широкое распространение получила концепция Е. С. Енчмена¹ как развитие учения о рефлексах И. П. Павлова. По Енчмену, человек есть биологический организм, деятельность которого всецело определяют т. н. «анализаторы» (понятия). Психика объявлялась неправильным наименованием рефлексов и упразднялась как несуществующее явление. Отсюда следовало, что преобразование человека должно идти через внедрение в его мышление коммунистических «анализаторов», отобранных лидерами республики [4].

Подобная теория входила в противоречие с марксизмом и была подвергнута критике. Бухарин высмеивал стремление оппонента свести на «нет» проведённую Марксом границу в сущности человека между биологическими и социальными феноменами². Однако он не был в состоянии опровергнуть доводы Е. С. Енчмена, т. к. утверждал пусть и не столь карикатурные, но

аналогичные взгляды на физиологию человека, которого сравнивал с часовым механизмом³. Н. И. Бухарин редуцировал социальное начало к способу производства, полагая, что трудовая деятельность полностью детерминирует психику человека по формуле: чем занимаешься, так и мыслишь⁴. Для Бухарина психика не была самостоятельным фактором, и фактически он отменял её, как и Е. С. Енчмен.

Исправить ситуацию пытался К. Н. Корнилов, корректно соединивший естествознание и марксизм и сделавший вывод о том, что психика человека есть результат отражения человеком окружающей его материальной реальности. Физиологический процесс был заявлен им как основа психической деятельности, но не его источник. Однако и он не вывел на первый план идею социальной обусловленности сознания⁵.

Третье положение. Трактровка соотношения свободы и необходимости в истории являлась для советских философов важной проблемой, поскольку от её решения зависел ответ на вопрос о судьбе социализма в стране, не имеющей к этому предпосылок. Наступательная идеология партии, в соответствии с которой «производственная коммуна» должна была быть

¹ Енчмен Е. С. Теория новой биологии и марксизм. П.: Наука и труд, 1923. 83 с.

² Бухарин Н. И. Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // Бухарин Н. И. Атака: сборник теоретических статей. М.: Государственное издательство, 1924. С. 128–170.

³ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008. С. 64.

⁴ Бухарин Н. И. К постановке проблем теории исторического материализма (беглые заметки) // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 47.

⁵ Корнилов К. Н. Психология и марксизм // Психология и марксизм: сб. статей. Л.-М.: Государственное издательство, 1925. С. 9–24.

построена в течение 3–5 лет, вылилась в апологию волюнтаризма.

Незнание Марксовой концепции человека как субъекта практики вынуждало партийных теоретиков аргументировать свою теорию социального действия идеями субъективного идеализма, элементы которого были в работах А. А. Богданова. Упорное повторение им тезиса о том, что мир есть совокупность элементов, и потому его форма всякий раз зависит от конструирующего их пролетариата, не могло не вызвать у них симпатии. Именно идеями А. А. Богданова фундировал концепцию милитаризованного социализма Бухарин. Представив общество системой элементов, от перекомбинации которых меняется его тип и характер динамики («равновесие»)¹, он упрощал взаимосвязи в структуре общества, что придавало проекту радикального переустройства не только наивный, но и опасный характер.

Однако «волюнтаристы» расходились с теми партийными теоретиками, которые, пропагандируя принципы материализма, настаивали на том, что общественное развитие определяется экономическими факторами, независимыми от людей. В работе Г. Гортера было чётко прописано, что производительные силы «заставляют мышление идти по определённым путям...»². Повторение оговорки Ф. Энгельса о том, что «надстройка» имеет обратное влияние на «базис», по сути не принималась ими во внимание, и производительные силы превращались в некое

«живое существо», использовавшее людей как «заводных кукол», несмотря на то, что почти все они отрицали подобную экспликацию их решений³.

Сосуществование в партийной идеологии двух взаимоисключающих моделей требовало от теоретиков некоего аргументированного сведения их в единую научную платформу. Но большинство из них даже не осознавало возникшей антиномии, спокойно оставаясь экономическими детерминистами с субъективно-идеалистическими взглядами.

В начале 1920-х гг. В. И. Ленин пытался пресечь выпадение в крайности, указывая детерминистам на то, что человек не может быть подчинён производительной силе, поскольку сам является производительной силой⁴, а волюнтаристам напоминая о том, что лидеры партии, призванные управлять страной, должны учиться принимать политические решения, руководствуясь не формальной, а диалектической логикой⁵. Но внушение Ленина не возымело эффекта.

Лишь в середине 20-х гг. XX в. наметилась тенденция к преодолению примитивизма в философии. Так, Бухарин верифицировано реконструировал ленинский диалектический метод в политике, обратившись к его записям в

¹ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Вече, 2008. С. 153–333.

² Гортер Г. Исторический материализм. М., 1919. С. 23.

³ Гроссман-Рощин И. С. Личность, необходимость, реальность // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 135–136.

⁴ Ленин В. И. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник XL. М.: Политиздат, 1985. С. 405.

⁵ Ленин В. И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 тт. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1963. С. 288–290.

«Философских тетрадах»¹. Образцами применения данного метода были для него заключение Брестского мира и введение НЭПа. И хотя конкретных философско-антропологических решений Бухарин не сформулировал, он вплотную подошёл к адекватной трактовке соотношения свободы и необходимости в истории, и увлёк за собой часть учеников (Я. Э. Стэн и др.).

Четвёртое положение. В 1920-е гг. партийными теоретиками была поставлена проблема смысла человеческой жизни. По их мнению, каждый человек должен был освободиться при помощи марксизма от классовых и религиозных предрассудков и включиться в процесс строительства социализма. Будучи идейным, трудолюбивым, дисциплинированным и порядочным, коммунист должен был, перенося различные испытания, «беззаветно» отдать все свои силы, а если необходимо и жизнь, ради создания подлинно человеческого общества². Гибель во имя революции оценивалась как оправданная не только потому, что победа в гражданской, а потом и мировой войне с капитализмом были невозможны без человеческих потерь, но прежде всего потому, что она имела для личности ценностное значение – внести свой вклад в победу над злом и обрести символическое бессмертие [2, с. 65].

Люди будущего же должны были обрести счастье как производное от новой экономической системы, предоставляющей максимум возможностей для удовлетворения потребностей

и прежде всего – самореализации. Самореализация эта могла наступить только в ходе бесконечного преобразования окружающего мира, т. е. в творческом труде, который рассматривался как квинтэссенция полноты жизни. Описание антропологического идеала здесь включало в себя выхоленную и идеологизированную Марксову идею самореализации личности без ссылки на него и едва ли соотносимую с классиком.

Пятое положение. В решении проблемы соотношения личности и общества советские марксисты придерживались Марксовой максимы о личности как продукте общественных отношений, но трактовали её примитивно, полагая, что социальная природа личности означает невозможность не только её формирования, но даже существования и развития вне общества, класса, партии, коллектива. Связь личности и общества виделась им как односторонняя детерминация, из которой вытекало и отрицание в отдельном взятом человеке уникальности.

Индивид в данной схеме мог быть только частью целого, «винтиком», легко заменяемым в случае «утраты» или преднамеренной ликвидации. Моральные проблемы снимались логикой социоцентризма: если ценность коллектива выше ценности личности, то и гибель её следует оценивать, как неизбежную издержку строительства социализма. Таким образом, уничтожалась ценность не только человеческой личности, но и её жизни.

Некоторые партийные теоретики не формулировали отношение к проблеме индивида в новом обществе столь цинично, но по сути разделяли его. И. С. Гроссман-Роцин писал,

¹ Бухарин Н. И. Программа Октября // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 438.

² Преображенский Е. А. О морали и классовых нормах. М.: Госиздат, 1923. С. 72.

что Маркс «громил» индивидуализм, уничтожить который должна диктатура пролетариата, и ссылаясь при этом на Марксову «Немецкую идеологию»¹, пронизанную идеей защиты человеческой самости, отчуждаемой в капиталистическом обществе.

Некоторые теоретики пытались отстаивать право личности на принятие самостоятельных решений и частную жизнь², но подчёркивали, что считая крайнюю степень контроля над личностью избыточной, не ставят под сомнение коллективный контроль как правило организации нового строя³. Общество в теоретических построениях советских марксистов было наделено по отношению к личности безусловным приматом.

Таким образом, после провозглашения марксизма государственной док-

триной начался интенсивный процесс становления философско-научной антропологической парадигмы. Но использование советскими теоретиками вульгарно-материалистических трактовок искажало Марксову антропологию и противоречило ей. Вместе с тем обозначившаяся к середине 1920-х гг. тенденция к более серьёзному подходу к решению философских проблем человека, в части дихотомии свободы и необходимости, давала шанс на определённое выправление широко распространённых редуций [5], что позволяет оценить процесс становления философско-научной антропологической парадигмы в СССР как «болезнь роста».

*Статья поступила
в редакцию 18.09.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь А. В. Основные тенденции в развитии философской проблематики человековедения в СССР (1917–1930 гг.): дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 1983. 155 с.
2. Калинин С. Б. Проблема «нового» человека в трудах политических деятелей 20-х гг.: А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1994. 206 с.
3. Новиков С. Г. Проектирование «Нового человека» в советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 1 (57). С. 161–174.
4. Резванов С. В., Резванова Л. А., Титова Е. В. Мировоззренческие метаморфозы в истории отечественной философии 20–30-х гг. XX века // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 7. С. 107–110.
5. Устинов О. А. «Бухаринская альтернатива»: философско-антропологические доминанты в «Тюремных рукописях» Н. И. Бухарина // Свободная мысль. 2016. № 4. С. 97–104.
6. Устинов О. А. Философско-научная антропологическая парадигма в русской философии конца XIX – начала XX вв.: историко-философский анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 2. С. 141–147.

¹ Гроссман-Рощин И. С. Личность, необходимость, реальность // Под знаменем марксизма. 1924. № 12. С. 134–142.

² Сольц А. А. О партийной этике // Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 387.

³ Крупская Н. К. Подготовка ленинца // Партийная этика: документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 251, 255.

7. Фишева А. А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 1. С. 37–46.

REFERENCES

1. Bondar A. V. *Osnovnye tendentsii v razvitii filosofskoi problematiki chelovekovedeniya v SSSR (1917–1930 gg.): dis. ... kand. filos. nauk* [The main trends in the development of philosophical perspective of human nature in the USSR (1917–1930): PhD Thesis in Philosophy]. Khabarovsk, 1983. 155 p.
2. Kalinchenko S. B. *Problema «novogo» cheloveka v trudakh politicheskikh deyatelei 20-kh gg.: A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. V. Lunacharskii, L. D. Trotskii: dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of a «new man» in the political writings of the 1920s: A. A. Bogdanov, N. I. Bukharin, A. V. Lunacharsky, L. D. Trotsky: PhD Thesis in History]. Stavropol, 1994. 206 p.
3. Novikov S. G. [Designing a «new man» in Soviet Russia of the 1920s]. In: *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Education in Russia and Abroad], 2019, vol. 1, no. 1 (57), pp. 161–174.
4. Rezvanov S. V., Rezvanova L. A., Titova E. V. [Ideological metamorphosis in the history of Russian philosophy of the 1920–30s]. In: *Manuskript* [A Manuscript], 2019, vol. 12, no. 7, pp. 107–110.
5. Ustinov O. A. [«Bukharin's alternative»: the philosophical-anthropological dominant in the «Prison Manuscripts» by N. I. Bukharin]. In: *Svobodnaya mysl* [Free Thought], 2016, no. 4, pp. 97–104.
6. Ustinov O. A. [Philosophical-scientific and anthropological paradigm in Russian philosophy of the late 19th and early 20th centuries: historical and philosophical analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2019, no. 2, pp. 141–147.
7. Fisheva A. A. [The concept of a «new man» in Soviet social policy of the 1920s]. In: *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [St. Petersburg Polytechnic University Journal of Engineering Science and Technology of St. Petersburg State Polytechnic University. Series: Humanities and Social Sciences], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 37–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Устинов Олег Александрович – кандидат философских наук, заведующий научно-просветительским отделом Культурно-просветительского центра «Дубрава» имени протоиерея Александра Меня;
e-mail: olustinov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Ustinov – PhD in Philosophy, head of the Scientific and Educational Department, Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men;
e-mail: olustinov@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Устинов О. А. Становление философско-научной антропологической парадигмы в советской философии в 1920-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 139–147.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-139-147

FOR CITATION

Ustinov O. A. The Formation of the Philosophical-Scientific Anthropological Paradigm in the Soviet Philosophy in 1920s. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 139–147.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-139-147